УДК: 316.334.55 DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-3-227-243

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС ПОЛИТИКИ СЕЛЬСКОГО РАЗВИТИЯ

***Плотичкина Н.В.*[1]**

Аннотация. *Цель статьи* – экспликация территориальной идентичности как нематериального источника развития сельских районов. Исследование строится на основе качественной стратегии с использованием идентитарного, пространственного и социокультурного подходов, что позволяет дефинировать ресурсный потенциал идентичности в политико-управленческой и экономической практике. Автором выявлены структурные компоненты (маркеры), типы сельской (низового уровня территориально-пространственной) идентичности. Описаны концепты сельского развития, сложившиеся в современном научном дискурсе (экзогенные и (нео) эндогенные подходы, реляционный плейсмейкинг), с экспланацией роли территориальной идентичности в рассмотренных моделях. Сельское развитие определяется внутренними, внешними факторами либо их комбинацией; отмечено, что в современных исследованиях и политической практике произошел переход от нисходящего подхода к сетевой модели сельских изменений. Показано влияние дискурсов первичной и вторичной идентичности на процессы объединения муниципальных образований. В контексте политики сельских трансформаций развитие локальных сообществ имеет следствием укрепление местного предпринимательства, нетворкинг, формирование культуры участия, институционализацию. Изучение сетевых взаимодействий позволяет понять динамику и взаимосвязь между социальным капиталом и идентичностью, а также их роль в развитии сельских районов. Селективная привязанность к селу и обладание социальным капиталом выступают в качестве определяющих факторов волонтерства местных жителей, формирования деятельного сельского сообщества. Формулируется вывод о том, что сильная территориальная идентичность способствует интеграции местных стейкхолдеров политики развития, формированию устойчивого сельского сообщества. *Статья выполнена при поддержке РФФИ и АНО «Экспертный институт социальных исследований», проект № 19-011-31356 «Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности в условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства региона».*

Ключевые слова: сельские исследования, территория, территориальная идентичность, сельская идентичность, сельское местное сообщество, политика сельского развития, нематериальные ресурсы сельского развития, развитие местных сообществ.

Плотичкина Наталья Викторовна – кандидат политических наук, доцент, Кубанский государственный университет, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, адрес: 350040, Россия, г. Краснодар, Ставропольская, 149, e-mail: oochronos@mail.ru

TERRITORIAL IDENTITY AS A POLICY RESOURCE OF RURAL DEVELOPMENT

PLOTICHKINA N. V. – Candidate of Political Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (Russian Federation, Krasnodar), e-mail: oochronos@mail.ru,

Abstract. The purpose of the article is the explication of territorial identity as an intangible source of rural development. The study is built on the basis of a quality strategy using identical, spatial and sociocultural approaches, which allows to determine the resource potential of identity in political, managerial and economic practice. The author revealed structural components (markers), types of rural (low-level territorial-spatial) identity. The concepts of rural development that have developed in the modern scientific discourse (exogenous and (neo) endogenous approaches, relational placemaking) are described, with an explanation of the role of territorial identity in the considered models. Rural development is determined by internal, external factors or their combination; It is noted that in modern research and political practice, there has been a transition from a top-down approach to a network model of rural changes. The influence of the discourses of primary and secondary identity on the processes of unification of municipalities is shown. In the context of rural transformation policies, the development of local communities results in the strengthening of local entrepreneurship, networking, the formation of a culture of participation, and institutionalization. The study of network interactions allows us to understand the dynamics and the relationship between social capital and identity, as well as their role in rural development. Selective attachment to the village and the possession of social capital are the determining factors in the volunteering of local residents, the formation of an active rural community. The conclusion is formulated that a strong territorial identity promotes the integration of local stakeholders in development policy and the formation of a sustainable rural community.
This article was supported by the Russian Federal Property Fund and the Autonomous Non-Profit Organization "Expert Institute for Social Research", project No. 19-011-31356 "Development of rural local communities: the potential of an identity policy in the face of heterogeneity of the socio-economic and socio-cultural space of the region".

***Keywords*:** rural research, territory, territorial identity, rural identity, rural local community, rural development policy, intangible resources of rural development, development of local communities

Одно из значимых направлений современных руральных исследований, носящих междисциплинарный характер, связано с выявлением (внутренних/внешних, материальных/ нематериальных) факторов неравномерной социальной, институциональной и экономической динамики сельских территорий.

Что заставляет сельские районы выбраться из «ловушки бедности»? Что стимулирует изменения? Существуют ли драйверы, способные генерировать сельские трансформации, способствовать благосостоянию негородских районов и консолидации местных сообществ? В современной России со значимой долей сельских жителей в ряде регионов поиск источников конкурентоспособности негородских территорий приобретает актуальные коннотации. К тому же в российских политологических исследованиях тематика сельской идентичности находится на периферии научного дискурса, что обусловлено стереотипностью восприятия сельской местности как маргинального пространства с неразвитой инфраструктурой и ограниченными возможностями. В рамках данной статьи идентичность эксплицируется как нематериальный ресурс (нео)эндогенного развития сельских территорий, экономически, социально и культурно неоднородных, зависящих от природных ресурсов, сельскохозяйственного сырья (в основном за счёт аграрной деятельности), с низкой плотностью населения, практикующего «негородской» образ жизни.

Сельская идентичность: понятие, структурные компоненты (маркёры), виды

Сельские территории можно интерпретировать как сложные и открытые социальные системы, которые обмениваются ресурсами и информацией друг с другом и внешней средой. Интенсивность этих обменов ставит под сомнение искусственное различение между сельскими и городскими районами, что делает идею сельского и городского континуума более привлекательной. Коммерческие связи, миграция, урбанизация, сельская джентрификация и досуг относятся к числу потоков, которые образуют сельско-городские связи, потенциально продуктивные промежуточные формы городского и сельского. Дискуссии о том, как определить концепцию сельского, отражают изменения в экономической, социальной и культурной структуре сельской местности. Трудности в концептуализации сельской местности являются следствием разнообразия сельских районов, от периферийных поселений, зависящих от сельского хозяйства, до пригородных с диверсифицированной экономикой.

Сельская территория как реляционное пространство рассматривается в трёх измерениях: материальном (ресурсы, географическое соседство), организационном (действия, управленческие практики) и символическом (идентичность) [1] . В современных социальных исследованиях сельское пространство предстает как воспринимаемое, понимаемое и обживаемое (привязанность к месту, идентичность). Руководствуясь чувствами принадлежности и присвоения, акторы создают коллективную идентичность,

[1] Chabrat S. (2015) Collective marketing initiatives: an association of material, identity and organizational conditions of territory. The case of «Fin Gras du Mézenc» // Semestrale di Studi e Ricerche di Geografia.–№ 1. – P.42.

специфичную для определённой территории, развивающуюся в результате действий местного сообщества, которое дает территории имя, границы и историю[1].

Территориальная идентичность структурируется на личностном, индивидуальном уровне (взаимоотношения жителей с местом проживания или/и происхождения), но утверждается как коллективная (взаимоотношения с территориальным сообществом). Будучи зонтичным аналитическим конструктом, территориальная идентичность включает локальные (сельские, городские), региональные разновидности.

Сельская идентичность, низовая проекция *территориально-пространственной идентичности*, эксплицируется как индивидуальное и коллективное чувство принадлежности к местности, связанное с приданием субъективных коннотаций привязанности к сельскому району, которая включает социальную привязанность к сообществу, экологическую связь с окружающей средой, а также персональную привязанность к территории. Кроме того, привязанность к месту может быть ориентированной на изменения или на стабильность, что влияет на устойчивость сельского местного сообщества и политику развития сельских районов.

Территориальная идентичность выражается через образы/ идеи /символы/ воспоминания/дискурсы и анализ материальной культуры, состава жителей, пространственной географии, социальных практик и взаимодействий. Маркёрами сельской идентичности, фиксирующими элементы её структурной модели, на основе которых формируются связи между территорией и сельским местным сообществом, происходит идентификация с местностью, являются известные жители, личности, природные и пространственные особенности, символика, социальные практики.

В интерпретации Р. Капелло, территориальная идентичность формируется в определённом социально-экономическом контексте, способствующем конвергенции коллективных и частных интересов, возникновению принадлежности и лояльности к сообществу[2]. Идентичность интерпретируется сквозь призму двух взаимосвязанных чувств: *солидарности*, понимаемой как принадлежность и лояльность к сообществу, основанной на конвергенции коллективных и индивидуальных преимуществ, которые вызывают привязанность к месту, и *сходства*, коренящегося в общих ценностях, производственных навыках, социальных отношениях. Истоки привязанности к месту не ограничиваются

[1] Pollice F. (2003) The role of territorial identity in local development processes //The cultural turn in geography. Proceedings of the IGU Conference, 18-20th September. Part II: Landscape Construction and Cultural Identity. – Trieste: Edizioni Università di Trieste. – P. 112.

[2] Capello R. (2019) Interpreting and understanding territorial identity // Regional Science Policy and Practice.–№ 11. – P. 145.

ментальностью людей, а обнаруживаются в защите частных интересов коллективными усилиями членов местного сообщества.

Коллектив итальянских исследователей предлагает рассматривать территориальную идентичность как социальный конструкт, разработанный на локальном уровне с целью продвижения по выбранному пути развития и достижения поставленных целей[1]. Очевидно, что понимание и установление нужного ракурса преобразований является показателем более эффективной способности сообщества управлять изменениями и инновациями.

Португальские исследователи З. Рока и М. де Назаре Оливейра-Рока разработали аналитическую модель «Идентерра» с целью прикладной экспликации территориальной идентичности как ресурса политики локального развития[2]. Маркёры территориальной идентичности могут быть эмпирически экспланированы, если их концептуализировать как «пространственные фиксаторы» (природные и культурные ландшафты, население, экономические ресурсы), управляемые «пространственными потоками» (образ жизни; биогеофизические, социоэкономические системы и связи). Объективная территориальная идентичность фиксируется и проверяется посредством данных и/или изображений. Субъективная территориальная идентичность отражается в знаниях, установках и практиках стейкхолдеров локального развития, достигаемого посредством террафилии (стремления к территориальным трансформациям). Концепт террафилии предполагает проведение политики местного развития, в участии в которой заинтересованы граждане, выступающие в качестве субъектов сельских трансформаций, решающих местные проблемы.

Развитие сельских территорий: концептуальные подходы

В научном дискурсе выделяются следующие концепты сельского развития: *экзогенные* и *(нео)эндогенные* модели, *реляционный плейсмейкинг (relational place ‑ making)* (см.табл.1)[3]. Теория сельского развития эволюционировала от экзогенных к эндогенным подходам, а в настоящее время преобладают эндогенно-экзогенные концепты[4].

---

[1] De Rubertis S., Belliggiano A., Labianca M. (2018) Partecipazione e identita territoriale. Il caso di Castel del Giudice (Molise) // Geotema. – № 56. – P. 49.

[2] Roca Z., de Nazare Oliveira-Roca M. (2007) Affirmation of territorial identity: A development policy issue// Land Use Policy. –Vol. 24.–№ 2. – P. 434–442.

[3] Bock B.B. (2016) Rural marginalisation and the role of social innovation; a turn towards nexogenous development and rural reconnection// Sociologia Ruralis.–Vol. 56.–№4. – P. 555; Lowe P., Phillipson J., Proctor A., Gkartzios M. (2019). Expertise in rural development: A conceptual and empirical analysis // World Development.–№ 116. – P.31.

[4] Bosworth G., Annibal I., Carroll T., Price L., Sellick J., Shepherd J. (2015) Empowering local action through neo-endogenous development; the case of LEADER in England// Sociologia Ruralis. – Vol.56.–№3. – P. 427.

Таблица 1 – Концепты сельского развития
Table 1 – Concepts of rural development

	Экзогенное развитие	Эндогенное развитие	Неоэндогенное (сетевое) развитие	Реляционный плейсмейкинг
Ключевой принцип	Экономия за счёт масштаба и концентрации	Использование локальных (природных, человеческих и культурных) ресурсов в целях устойчивого развития	Максимизация ценности локальных ресурсов; конкурентоспособность на основе локальных активов	Реляционное конструирование места
Движущая сила	Городские полюсы роста (драйверы, экзогенные для сельской местности)	Локальные инициативы, предпринимательство	Сети локальных акторов, связанных с внешними воздействиями; государство – посредник, координатор	Через социальные, экономические, культурные и политические отношения с другими местами и восстановление локального чувства места
Функции сельских территорий	Производство продовольствия и первичных продуктов для городской экономики	Различные экономические услуги	Разнообразные экономики производства и услуг; городской спрос по-прежнему имеет решающее значение для сферы услуг и традиционных секторов	Разнообразные экономики производства и услуг
Основные проблемы сельского развития	Низкая производительность и периферийность	Ограниченные возможности территорий/ групп участвовать в экономической деятельности	Низкий уровень предоставления услуг; несбалансированные сообщества – старение и неравенство; удалённость, изоляция и отсутствие критической массы	Невысокий уровень чувства принадлежности к месту; оторванность от реляционных сетей; символическое конструирование маргинальных мест
Основные направления развития сельской местности	Модернизация сельского хозяйства	Наращивание потенциала (навыки, институты, инфраструктура); преодоление эксклюзии	Целостный подход, включающий расширение возможностей на локальном уровне, наращивание потенциала, преодоление изоляции, повышение ценности местных ресурсов, расширение связей и содействие инновациям	Восстановление отношений; реконструкция чувства принадлежности к месту и общего позитивного ощущения местности

Эндогенная модель рассматривает развитие сельских территорий как результат реализации местных ресурсов, являющихся элементом дифференциации и конкурентным плюсом в стратегиях руральных трансформаций, в ходе коллективных действий сообществ. Существенную роль в рамках модели играет устойчивая территориальная идентичность, которая позволяет выбирать эндогенные инновации, адаптировать их к особенностям

локального контекста[1]. В рамках экзогенного подхода сельские инициативы транспонируются внешними группами и институтами; сельские районы переводятся в подчинённое положение по отношению к городской местности. Модернизация сельских территорий осуществляется за счёт внешнего планирования, рационализации поселений, развития инфраструктуры, трансферта инноваций из динамичных городских центров. В этом процессе риск, связанный с нисходящими мерами, планированием и инвестиционными инициативами, заключается в их возможном несоответствии реальным потребностям местного населения. Территориальная идентичность может способствовать контекстуализации экзогенных инноваций и проявлению локальных трансформаций. В ином случае происходит утрата идентичности, определяемой как слабый «элемент» территориальной системы, чувствительный к изменениям, вызванным внешними факторами[2]. Экзогенная модель была подвергнута критике за развитие зависимости негородских районов, делегитимизацию местных знаний, негативные социальные и экологические последствия.

Вместе с тем развитие сельских территорий может стимулироваться совместными действиями сельских и городских драйверов социальных инноваций, когда агенты, участвующие в развитии местных сообществ, вдохновлены городскими знаниями и практиками[3]. Неоэндогенная перспектива признаёт сетевые взаимодействия между сельскими местными сообществами и внешней средой стратегическим ресурсом развития[4]. Внешние факторы используются для увеличения сельского потенциала; местные знания, ресурсы и участие играют центральную роль в процессах развития; сети игроков мобилизуют ресурсы, координируя комбинации внутренних и внешних сил. К. Рэй выделяет четыре аспекта модели: территориальный, а не отраслевой принцип; эксплуатация местных ресурсов; этические коннотации развития; фокусировка на местном участии в политико-управленческих практиках. Локальная контекстуализация посредством активного публичного участия укрепляет связь между ожиданиями местного сообщества, политикой развития и

[1] De Rubertis S., Belliggiano A., Labianca M. (2018) Partecipazione e identita territoriale. Il caso di Castel del Giudice (Molise) // Geotema. – №56. – P. 48.

[2] Pollice F. (2003) The role of territorial identity in local development processes //The cultural turn in geography. Proceedings of the IGU Conference, 18-20th September. Part II: Landscape Construction and Cultural Identity. – Trieste: Edizioni Università di Trieste. – P. 110.

[3] Bock B.B. (2012) Social innovation and sustainability; how to disentangle the buzzword and its application in the field of agriculture and rural development // Studies in Agricultural Economics. – Vol.114. –№2. – P. 61.

[4] Bosworth G., Annibal I., Carroll T., Price L., Sellick J., Shepherd J. (2015) Empowering local action through neo-endogenous development; the case of LEADER in England// Sociologia Ruralis. – Vol.56.– №3. – P. 430.

конструированием идентичности[1]. По сути местные акторы выступают в качестве катализаторов перемен посредством коллективных неоэндогенных действий. Модель основана на мобилизации ресурсов и субъектов для подтверждения сельской идентичности. Реляционный плейсмейкинг (сетевая политика места), основывающийся на коннотации места как сложной сети отношений, продукта множества траекторий и практик, предполагает, что сетевые взаимодействия между акторами способствуют сельскому развитию.

Территориальная идентичность как движущая сила (нео)эндогенного сельского развития

Чувство принадлежности к территории создаёт основу для идентичности, которая способна производить «смысл», ориентировать на совместные коллективные действия, инициативы, проекты, стимулировать самоорганизацию. Динамичная природа идентичности экспланирует её связь с территориальными инновациями [2]. В контексте политики участвующего развития идентичность становится результатом социального конструирования, в ходе которого акторы используют отличительные особенности, ресурсный потенциал территории для разработки стратегий преобразований. В этом смысле территориальная идентичность может быть не «обнаружена», а «построена» в ходе действий исследователей-экспертов, выявляющих отношения локальных коллективов к территории и помогающих им отличить и идентифицировать место проживания[3].

Территориальная идентичность является эпистемологической интерпретацией локальных особенностей. Местное сообщество придаёт символическое значение элементам природно-географического и социокультурного ландшафта и признаёт их в качестве выразителей своей идентичности, продуцируя образ территории, который не всегда совпадает с представлениями «других». Тем не менее именно эти «моменты» коллективной идентификации позволяют укрепить территориальную идентичность и отводят ей стратегическую роль в процессах местного развития. Набор подобных символов и смыслов представляет иконографию территории и способствует конструированию и сохранению идентичности сообщества. Привязанность к ландшафту может быть истолкована как результат процесса сентиментальных инвестиций. Но именно этот процесс усиливает чувство принадлежности к местному сообществу и запускает процессы

[1] Ray C. (2001) Culture economies: a perspective on local rural development in Europe. – Newcastle upon Tyne: Centre for Rural Economy, Dept. of Agricultural Economics and Food Marketing, University of Newcastle upon Tyne. – P.2–4.

[2] Pollice F. (2003) The role of territorial identity in local development processes //The cultural turn in geography. Proceedings of the IGU Conference, 18-20th September. Part II: Landscape Construction and Cultural Identity. – Trieste: Edizioni Università di Trieste. – P. 109.

[3] Banini T. (2017) Proposing a theoretical framework for local territorial identities: concepts, questions and pitfalls // Territorial identity and development.–Vol.2.–№ 2.–P.16.

развития. Процесс конструирования территориальной идентичности динамичен, открыт, является результатом осознанного, ответственного освоения сельским сообществом места проживания. В этом плане важно найти пути и средства для функциональной интеграции конструкта территориальной идентичности с местными инициативами развития.

Идентичность усиливает местные ценности, которые воспринимаются сообществом как выражение локальной специфики. На социально-экономическом уровне указанные ценности способствуют появлению конкурентного сотрудничества, составляющего ядро сельской экономики. Аналогичным образом чувство принадлежности способствует интеграции местных стейкхолдеров, реализующих партнёрство на территориальной основе, выбирающих кооперацию в локальной сфере, содействует формированию устойчивого сельского местного сообщества, предотвращает делокализацию. Территориальная идентичность содействует внедрению стабильных форм консультаций на локальном уровне, служит ориентиром для индивидуальных и коллективных действий местных акторов. Позитивно окрашенная, выраженная территориальная идентичность, как правило, повышает уровень согласия на политической арене по вопросам местного развития. Территориальные инновации являются успешными, когда являются результатом выбора, разделяемого сельским сообществом и администрацией поселения. При этом территориальная идентичность является источником устойчивости территориальных систем, основанных на создании добровольной сети местных агентов (бизнес, власть, ассоциации, эксперты), разрабатывающих и реализующих совместный территориальный проект; при этом локальная идентичность является не только объектом, но и субъектом инноваций посредством избирательного присвоения внутренних и внешних стимулов[1]. Кроме того, сельская идентичность способствует развитию политической субъектности территорий, расширению прав и возможностей местного сообщества в процессе принятия решений. В соответствии с подобной оптикой территориальная идентичность формируется как результат и условие процесса участия, обмена знаниями и идеями о районе проживания. Б. Бок предлагает «нэкзогенный» подход (nexogenous approach) в реализации сельских социальных инноваций, подчёркивая необходимость интеграции различных сил, действующих в одном и том же сельском пространстве, с целью создания прочных связей между политическими и социальными компонентами в структуре местных сообществ[2].

[1] Pollice F. (2003) The role of territorial identity in local development processes //The cultural turn in geography. Proceedings of the IGU Conference, 18-20th September. Part II: Landscape Construction and Cultural Identity. – Trieste: Edizioni Università di Trieste. – P. 110.

[2] Bock B.B. (2016) Rural marginalisation and the role of social innovation; a turn towards nexogenous development and rural reconnection// Sociologia Ruralis.–Vol. 56.–№ 4. – P. 570.

Роль идентичности в объединении муниципальных образований (сельских поселений)

В итальянском географическом дискурсе сельская идентичность интерпретируется как условие и результат активной территориальности, т.е. динамичного процесса социального конструирования территории локальным сообществом, вырабатывающим общие ориентиры местного развития [1]. Экспликация территории как социального конструкта предполагает возможность для локального коллектива выступать в качестве субъекта принятия и реализации политических решений, актора политики идентичности.

В интерпретации К. Терлоу, территориальные идентичности конструируются в дискурсах, которые основаны на характеристиках мест, определяемых локальным сообществом, служат руководством для оценки будущих событий, оспариваются, переосмысливаются, трансформируются [2]. В ходе институционализации территорий возникают дискурсы *«плотной, насыщенной»* (thick) и *«тонкой, истончённой»* (thin) идентичности (см. табл. 2).

Таблица 2 – Различия между плотной и тонкой идентичностью
Table 2 – Differences between thick and thin identity

Параметры сравнения	Плотная идентичность	Истончённая идентичность
Пространственная форма	Закрытая Территориальная	Открытая Сетевая
Организация	Институционализированная	Проектная
Целевая аудитория	Все граждане	Отдельные группы
Цель	Культура Общее	Экономика Конкретное
Темпоральность	Ориентация на прошлое Стабильность	Ориентация на будущее Изменения
Ориентационная шкала	Внутренняя	Внешняя

Первичные (плотные) идентичности основаны на медленно меняющихся особенностях локальных сообществ. Вторичные (истончённые) идентичности базируются на способах, посредством которых члены сообществ научились оценивать первичные идентичности[3]. В местных сообществах распространено когнитивное согласие относительно того, что характеризует идентичность,

[1] Banini T. (2017) Proposing a theoretical framework for local territorial identities: concepts, questions and pitfalls // Territorial identity and development.–Vol.2.–№ 2.–P.19.
[2] Terlouw K. (2018) Transforming identity discourses to promote local interests during municipal amalgamations // GeoJournal.–№ 83. – P.538.
[3] Terlouw K. (2018) Transforming identity discourses to promote local interests during municipal amalgamations // GeoJournal.–№ 83. – P.539.

однако мнения расходятся в том, как интерпретировать сложившиеся идентичности, действовать в повседневной жизни и реализовывать политику сельского развития. Изменения в соотношении сил между локальными группами, а также внешние влияния, к примеру, объединение муниципальных образований, делают дискурсы вторичной идентичности менее стабильными. В случае изменения границ муниципалитета трансформируются дискурсивные оценки локальных особенностей, меняется и в конечном итоге исчезает вторичная идентичность, что «обнажает» и делает более уязвимой первичную идентичность, подобный процесс вызывает опасения в местном сообществе. Дискурс идентичности может быть важным элементом сопротивления как для тех, кто борется против пространственной реструктуризации, так и для тех, кто поддерживает изменения. Такой дискурс обычно трансформирует прошлое, текущую ситуацию и будущие ожидания относительно территории, которые связаны с различными социальными практиками, ценностями и идеалами (самоуправление/автономия, сельская местность, независимое производство услуг или концентрация / децентрализация). Борьба за идентичность объединяет множество интересов, разные группы могут использовать риторические и дискурсивные приёмы и тактику для выражения своих приоритетов. В итоге в ходе слияния муниципалитетов возникает дискурс идентичности локального сопротивления или дискурс идентичности локального развития посредством привлечения внешних ресурсов. Таким образом, дискурсы идентичности могут сосредоточиться на сотрудничестве и сходстве между соседними территориями, объединёнными для защиты локальных идентичностей, и использоваться для продвижения общих интересов с целью стимулирования экономического развития.

Местное сообщество как субъект, объект, ресурс политики сельских трансформаций

В результате урбанизации и модернизации аграрного сектора сельские регионы вынуждены искать новые стратегии для поддержания своей жизнеспособности. Роль государства как агента изменений сельских территорий снижается, и значение локальных субъектов, неправительственных организаций, экспертов становится всё более важным в организации мероприятий на уровне сообществ, в заботе о местной инфраструктуре, качестве жизни граждан. Активизация сообществ может рассматриваться как часть политики активного гражданства, при которой государство и общество освобождаются от части обязанностей, которые затем возлагаются на отдельных граждан и сообщества. С политической точки зрения сельская территория характеризуется как пространство развития, которое способствует интеграции граждан в публичную сферу, что улучшает адаптацию политики к местным потребностям и усиливает демократическое управление.

Теоретическим конструктом, инкапсулирующим территорию, идентичность и ресурсы развития, выступает *концепт развития местного сообщества.* В современных социальных исследованиях выделяются различные формы строительства местных сообществ (см. табл. 3)[1], коррелирующие с моделями сельского развития.

Таблица 3 – Формы развития сельских местных сообществ
Table 3 – Forms of rural local community development

	Формы развития сообществ		
	Навязанная	Направленная	Самопомощь
Сильные стороны	Привлечение внешних ресурсов. Позволяет быстро вносить изменения и реализовывать программы. Обеспечивает ресурсы для реализации проектов.	Признание необходимости демократических процессов в сообществе. Позволяет быстро вносить изменения и реализовывать программы. Может привести к возникновению сообщества. Население может участвовать в процессе принятия решений.	Самостоятельность местных жителей в принятии решений. Может привести к инновациям, долгосрочному и устойчивому развитию. Создание устойчивого сообщества, возникновение принадлежности, привязанности к территории, сельской идентичности. Местное сообщество является агентом развития. Развитие человеческого и социального капитала местного сообщества.
Слабые стороны	Игнорирование демократических процессов. Отстранение местных жителей от участия в процессе принятия решений; члены местного сообщества выступают как объект управленческого воздействия. Устойчивое и долгосрочное развитие может быть ограничено. Не расширяются возможности жителей, отсутствует формирование привязанности к местности и сельской идентичности. Не наблюдаются процессы формирования устойчивого сообщества.	Возможны конфликты между стейкхолдерами Зачастую отсутствует преемственность. Редко возникают инновации.	Может потребоваться длительный период времени для формирования местного потенциала. Опора на местных волонтёров может приводить к частой смене кадров, потере активистов и поставить под угрозу долговечность проекта.

Сельское местное сообщество интерпретируется как группа людей, осознающих интересы и стремящихся их реализовать, социальные отношения

[1] Matarrita-Cascante D., Brennan M.A. (2012). Conceptualizing community development in the twenty-first century//Community Development.–Vol.43.– №3. – P. 293-305.

между которыми обусловлены общей принадлежностью к территории с референтными для них идентификационными маркёрами. В качестве элементов сообществ выступают локальные коллективы, ресурсы и процессы взаимодействия стейкхолдеров по поводу разработки стратегий, программ, проектов местного развития[1]. Эмпирические исследования голландских общин фиксируют чёткую корреляцию между привязанностью к территории проживания и устойчивостью сообщества, позволяющей ему реагировать и адаптироваться к изменениям. Сельское местное сообщество является агентом, объектом и ресурсом развития территории, поскольку усиливает предпринимательскую культуру, способствует нетворкингу и институционализации, т.е. включению местных сообществ в официальные государственные программы, направленные на создание комфортных условий проживания в деревне, развитие инфраструктурного обустройства сельской местности[2]. В ходе развития сельского местного сообщества группы граждан выступают в качестве стейкхолдеров, стремящихся участвовать в коллективной деятельности по развитию территории.

Сильная локальная идентичность способствует накоплению социального капитала, являющегося одним из нематериальных ресурсов трансформаций сельской местности. В рамках политики развития выделяются две парадигмы: *пространственно-нейтральная* и *локально-адресная*. Последний подход основан на местных знаниях, открытости внешним ценностям, чувстве *общности* как элементе социального капитала, определяющей институциональную среду развития, способность формировать доверие, регулировать конфликты и мобилизовать ресурсы[3]. Структурные компоненты социального капитала – доверие, сотрудничество, *чувство общности*, культура и традиции – влияют на то, как местные сообщества самоорганизуются и взаимодействуют в целях развития сельских районов.

Волонтёрская деятельность местных жителей способствует накоплению социального капитала, развитию солидарности, идентичности, доверия, включённости в сетевые взаимодействия. Добровольчество позволяет жителям формировать и преобразовывать местное сообщество в соответствии с личными убеждениями и требованиями. В фокусе исследовательской оптики голландских авторов[4] находится корреляция между меняющимися моделями пространственно

[1] Matarrita-Cascante D., Brennan M.A. (2012). Conceptualizing community development in the twenty-first century //Community Development. – Vol.43. – №3. – P.295.

[2] Kumpulainen K., Soini K. (2019) How du community development activities affect the construction of rural places? A case study from Finland // Sociologia Ruralis. – Vol. 59. – №2. – P.297.

[3] Barca F., McCann P., Rodriguez-Pose A. (2012) The case for regional development intervention: place-based versus place-neutral approaches//Journal of Regional Science.–Vol.52.–№1.–P.147.

[4] Gieling J., Haartsen T., Vermeij L., Strijker D. (2019) Out of love for the village? How general and selective forms of attachment to the village explain volunteering in Dutch community life // Journal of Rural Studies.–Vol. 71. – P.181–188.

и социально неравномерной привязанности к месту и вовлечённостью населения в деревенскую жизнь. Наряду с *общей* привязанностью жителей к селу, предполагающей устойчивую эмоциональную связь и идентичность с деревней в целом, существуют *селективные (социальные, культурные и экологические)* формы, выражающиеся в идентификации с местной культурой, экологией, значимыми людьми на селе, лидерами местных сообществ.

Лидер сообщества должен быть опытным «предпринимателем идентичности», который представляет и воплощает то, за что выступает сообщество, способен мобилизовать сельских жителей для проектирования и реализации изменений в соответствии с особенностями территориальной идентичности. Эффективные лидеры способны выработать особое чувство «мы», показывая сельским жителям, что их поведение отражает и воплощает нормы и ценности сообщества. Кроме того, члены сообщества готовы действовать в соответствии с видением лидера, когда он воспринимается как продвигающий интересы сообщества.

Общая привязанность к сельскому району может побуждать (но не обязательно) жителей к совместным усилиям по улучшению условий деревенской жизни и участию в качестве волонтёров в сельских ассоциациях. В основном общая привязанность мотивирует быть волонтёром в спортивных и хобби-клубах, школах, сельских советах. Но не все сельчане чётко идентифицируют себя с территорией и могут быть избирательны в формировании чувства принадлежности к местности. Переход от общих к селективным формам привязанности не ставит под угрозу существование активных сельских местных сообществ. Избирательные формы привязанности к деревне являются определяющими факторами волонтёрства жителей [1] . Именно социальная привязанность к деревне (социальные связи, сети) способствует волонтёрской деятельности практически во всех типах сельских клубов и ассоциаций. Поэтому усилия по укреплению местных сообществ должны быть направлены на улучшение социальных отношений между сельскими жителями.

Локально-адресная политика развития требует от местных жителей предпринимательского подхода, который стимулирует творческое мышление и поиск новых решений проблем. В ходе разработки стратегий преобразований сельские сообщества становятся более официальными и политическими по своей природе. Укрепление местных сообществ повышает ответственность жителей за будущее села, которая зависит от духа сообщества, чувства общности и привязанности жителей к своей родной деревне. Однако здесь возникает вопрос: все ли деревни или сельские жители обладают компетенцией и ресурсами для создания деятельных местных сообществ, уделяющих особое внимание

[1] Gieling J., Haartsen T., Vermeij L., Strijker D. (2019) Out of love for the village? How general and selective forms of attachment to the village explain volunteering in Dutch community life // Journal of Rural Studies.–Vol. 71. – P.185.

сохранению жизнеспособности поселений? Подчеркнём также, что сельские местные сообщества, ориентированные на развитие, основаны не только на общем образе жизни или ценностях, а прежде всего на общей цели – создать определённую территорию для поддержания чувств общности и принадлежности[1].

В европейских странах практика развития местных сообществ рассматривается как преобладающая парадигма повышения жизнеспособности сельских районов. Так, программа ЕС «ЛИДЕР» ориентирует местные сообщества на разработку и реализацию проектов по формированию новых рабочих мест и оживлению сельских районов (создание туристических достопримечательностей, местных служб, спортивных и развлекательных центров, организация фестивалей, художественных выставок или семинаров). Инициатива направлена на содействие диалогу между локальными субъектами, развитие чувства общности, укрепление местных традиций, связанных с территориальной идентичностью, популяризацию местной культуры, формирование имиджа территории[2].

Евросоюз разработал программу ЛИДЕР с целью продвижения модели эндогенной трансформации сельской местности. Стейкхолдеры разрабатывают и реализуют стратегию развития своей территории с учётом специфики сельской идентичности, ориентируются на локальные сообщества, усиливают инициативный потенциал местных участников, внедряют инновации и развивают государственно-частное партнёрство. В соответствии с программой в качестве лучшего эксперта в поиске оптимальной стратегии развития сельской территории выступают местные жители. Модель «ЛИДЕР» позволяет выявить роль территориальной идентичности в процессе сельского развития и, наоборот, влияние коллективных публичных действий на консолидацию идентичности.

Территориальное управление, поддерживаемое дискурсом ЛИДЕРА, призвано стать вектором для реорганизации публичных действий на местном уровне. Проект ЛИДЕР сформировал *новый тип политики сельского развития*, основанный на *мультисекторной интеграции, интегративном лидерстве, межрегиональном сотрудничестве, сетевом взаимодействии* между местными инициативными группами и широком использовании *проектных и территориальных подходов*, что позволяет мобилизовать территориальную идентичность и социальный капитал для трансформации сельских районов.

Заключение

Идентичность часто отождествляется с набором ресурсов, который есть у любого территориально организованного сообщества и который представляет

[1] Kumpulainen K., Soini K. (2019) How du community development activities affect the construction of rural places? A case study from Finland // Sociologia Ruralis. – Vol. 59. – №2. – P.310.

[2] Chevalier P., Vollet D. (2019) LEADER 2007-2013: An innovation dependent on local and national institutional arrangements? Some European illustrations // Regional Science Policy and Practice. – №11. – P. 219–234.

собой потенциал для развития. Речь идёт не только о материальных, но и о нематериальных ресурсах, которые составляют социально-территориальную базу моделей (нео)эндогенного развития, основанных на конкурентоспособности, связи между территориальным и социально-экономическим измерениями.

Актуализация сельской идентичности как ресурса трансформаций должна быть осуществлена не только для достижения исключительно экономических целей, но и направлена на более широкие ориентиры развития, которые могли бы соответствовать реализации всех потенциальных возможностей сельских территорий. Необходимо помнить, что сильная территориальная идентичность является условием для формирования устойчивого деятельного местного сообщества, а, значит, для развития сельского района. Такие размышления подчёркивают тесную связь между (нео)эндогенным и устойчивым развитием; в рамках современной повестки дня содействие эндогенному потенциалу, консолидация идентичности и участие местного сообщества определены в качестве основополагающих моментов успешных сельских трансформаций.

Библиография/References:

1. Banini T. (2017) Proposing a theoretical framework for local territorial identities: concepts, questions and pitfalls // Territorial identity and development. – Vol.2. – № 2. – P. 16-23.

2. Barca F., Mccann P., Rodriguez-Pose A. (2012) The case for regional development intervention: place-based versus place-neutral approaches // Journal of Regional Science. – Vol.52. – № 1. – P. 134–152.

3. Bock B.B. (2012) Social innovation and sustainability; how to disentangle the buzzword and its application in the field of agriculture and rural development // Studies in Agricultural Economics. – Vol.114. – № 2. – P. 57–63.

4. Bock B.B. (2016) Rural marginalisation and the role of social innovation; a turn towards nexogenous development and rural reconnection // Sociologia Ruralis. – Vol. 56. – № 4. – P. 552–573.

5. Bosworth G., Annibal I., Carroll T., Price L., Sellick J., Shepherd J. (2015) Empowering local action through neo-endogenous development; the case of LEADER in England // Sociologia Ruralis. – Vol.56. – №3. – P.427 – 449.

6. Capello R. (2019) Interpreting and understanding territorial identity // Regional Science Policy and Practice. – № 11. – P. 141–158.

7. Chabrat S. (2015) Collective marketing initiatives: an association of material, identity and organizational conditions of territory. The case of «Fin Gras du Mézenc» // Semestrale di Studi e Ricerche di Geografia. – №1.– P.41–49.

8. Chevalier P., Vollet D. (2019) LEADER 2007-2013: An innovation dependent on local and national institutional arrangements? Some European illustrations // Regional Science Policy and Practice. – №11. – P. 219–234.

9. De Rubertis S., Belliggiano A., Labianca M. (2018) Partecipazione e identita territoriale. Il caso di Castel del Giudice (Molise) // Geotema. – №56. – P. 48–54.

10. Gieling J., Haartsen T., Vermeij L., Strijker D. (2019) Out of love for the village? How general and selective forms of attachment to the village explain volunteering in Dutch community life // Journal of Rural Studies. – Vol. 71. – P. 181–188.

11. Kumpulainen K., Soini K. (2019) How du community development activities affect the construction of rural places? A case study from Finland // Sociologia Ruralis. – Vol. 59. – № 2. – P.294 –313.

12. Lowe P., Phillipson J., Proctor A., Gkartzios M. (2019). Expertise in rural development: A conceptual and empirical analysis // World Development. – № 116. – P. 28 –37.

13. Matarrita-Cascante D., Brennan M.A. (2012). Conceptualizing community development in the twenty-first century // Community Development. – Vol.43. – № 3. – P. 293-305.

14. Pollice F. (2003) The role of territorial identity in local development processes // The cultural turn in geography. Proceedings of the IGU Conference, 18-20th September. Part II: Landscape Construction and Cultural Identity. – Trieste: Edizioni Università di Trieste. – P. 107–117.

15. Ray C. (2001) Culture economies: a perspective on local rural development in Europe. – Newcastle upon Tyne: Centre for Rural Economy, Dept. of Agricultural Economics and Food Marketing, University of Newcastle upon Tyne. – 151p.

16. Roca Z., de Nazare Oliveira-Roca M. (2007) Affirmation of territorial identity: A development policy issue // Land Use Policy. – Vol. 24. – № 2. – P. 434-442.

17. Terlouw K. (2018) Transforming identity discourses to promote local interests during municipal amalgamations // GeoJournal. – №83. – P. 525–543.